

УДК 327.5

Взаимодействие России и Турции в регионе Средней Азии

Рустамов Игбал Ильгар-оглы

Собственный корреспондент,
Информационное агентство «SalamNews»,
AZ1009, Азербайджанская Республика, Баку, ул. Ахмедбекова Зивербека, 2/29;
e-mail: rustamov_i@mail.ru

Аннотация

В работе автором показано, что применение мер, которые обуславливают развитие региона Средней Азии значительно подвержено влиянию сторонних государств. В частности, традиционными соперниками на данной территории являются Российская Федерация и Турция. В статье показывается основа политика обеих стран в регионах Средней Азии как основа их традиционного соперничества за влияние в азиатском регионе, а также причины такого влияния, основанные на социально-экономическом и политическом факторах. В работе определены данные факторы, проанализированы метод и формы их реализации и традиционной защиты от перекрестного содействия, а также предложены пути оптимизации ситуации. В качестве новизны исследования определено, что реализация указанных отношений формируется исходя из того, что не только Турция и Россия могут оказывать влияние на страны Центральной Азии. Выявлено, что индикатором успешности реализации политики сотрудничества и соперничества в регионах Средней Азии является также и Иран. В работе не рассматривается аспект участия иных азиатских стран в связи с иным подходом к факторам обеспечения деятельности в странах Средней Азии. После распада Советского Союза появление ресурсов повысило значение Центральной Азии. Это привело к увеличению числа внешних субъектов, заинтересованных в регионе. В связи с этим Турция имеет больше возможностей для укрепления своей политики в Центральной Азии, но может столкнуться с конкурентами для своего растущего политического и экономического присутствия в регионе.

Для цитирования в научных исследованиях

Рустамов И.И. Взаимодействие России и Турции в регионе Средней Азии // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 4А. С. 106-116.

Ключевые слова

Турция, Россия, политический диалог, Средняя Азия, взаимодействия.

Введение

Турция уже давно является державой второго уровня в Центральной Азии. Недавняя напряженность в отношениях между Россией и Турцией ставит регион в неловкое положение, но турецко-Центральноазиатские отношения никогда не имели высокого уровня приоритета как формы российского или китайского регионального взаимодействия. Российско-турецкая напряженность будет ощущаться в Центральной Азии, но будет по-разному проявляться в каждом государстве [Ekinçi, 2016, 155].

В 2017 году была представлена стратегия повышения уровня турецкого влияния в регионе. Были выделены несколько областей взаимодействия – школы, финансируемые Турцией, создание тюркского Совета, сотрудничество в области обороны (в основном обмен методиками военной подготовки и военная помощь), но в конечном итоге пришли к выводу, что Анкара была заметно сдержана в развитии связей с государствами Центральной Азии. Тем не менее, несмотря на определенный прогресс, турецко-центральноазиатские отношения далеки от своего первоначального ожидания со стороны прежде всего самой Турции [Pehlivan Türk, 2017, 270].

Основная часть

В 2017 году турецко-центральноазиатские отношения развивались в том же ключе, когда Турция воспринимается как второстепенный партнер в подавляющем социальном и культурном влиянии России и значительным финансовым дотациями странам ЦА со стороны Пекина. Тюркский Совет (члены: Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция) и его учредительные органы продолжают встречаться и добиваться прогресса в торгово-инвестиционной сфере, а также выступают с культурными инициативами. В мае 2017 года в Астане собралась Парламентская Ассамблея тюрков (TurkPA). В августе 2017 года представители средств массовой информации из стран-участниц взаимно одобрили идею создания Международной тюркской новостной сети [Jian, 2018, 245].

Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган в мае 2018 года совершил исторический визит в Узбекистан, самую густонаселенную и богатую ресурсами страну Центральной Азии. В то время как там, экономические, оборонные, политические и культурные вопросы составили его повестку дня.

В трехдневной поездке турецкого лидера сопровождала большая делегация, в том числе его жена Эмине, министр иностранных дел Мевлют Чавушоглу, начальник разведки Хакан Фидан, начальник Генерального штаба Хулуси АКАР, а также несколько министров и бизнесменов.

Был подписан весомый пакет сделок между двумя странами на сумму \$3 млрд., который Эрдоган назвал «началом долгого пути для Турции и Узбекистана». Он подчеркнул свою надежду на то, что страны смогут снять напряженность ушедшей эпохи и возродить упущенные возможности.

Среди других центральноазиатских республик Узбекистан занимает особое место в отношениях Турции с регионом. История узбекско-турецких отношений началась хорошо. Турция стала первой страной, официально признавшей Узбекистан после провозглашения независимости от Советского Союза в 1991 году. Однако Узбекистан был единственной Центральноазиатской и тюркской страной, с которой Турция имела ограниченные отношения. Отношения Анкары и Ташкента были напряженными в течение десятилетий по многим причинам [Konopelko, 2016, 430].

Ситуация начала развиваться в более позитивном направлении после восхождения президента Узбекистана Шавката Мирзиёева в 2016 году, после смерти его предшественника Ислама Каримова, который дистанцировался от Турции в течение 27 лет своего пребывания на этом посту. В ноябре 2016 года, всего через четыре месяца после неудавшейся попытки переворота в Турции, Эрдоган совершил судьбоносную поездку в Узбекистан, став первым турецким президентом, посетившим страну за 16 лет.

Россия – самый влиятельный субъект в регионе. Турция должна пройти тонкую грань в улучшении отношений со странами Центральной Азии, не нанося ущерба своим отношениям с Москвой. В то время, когда Анкара имеет хорошие отношения с Кремлем, но напряженные отношения с западным миром, а Ближний Восток охвачен кризисами, Центральная Азия является потенциально выгодным регионом для Турции, чтобы преследовать свои экономические и политические интересы [Piet, 2015, 200].

На самом деле, прагматичный и конструктивный подход Турции в Центральной Азии мог бы быть благоприятным для Москвы, которая могла бы найти другого партнера, чтобы помочь сократить китайское влияние в регионе. Пекин проводит очень прагматичную политику в Центральной Азии, и это может помешать российской власти в регионе.

Другая часть вопроса состоит в том, что есть несколько вопросов, которые могли бы обеспечить более глубокое сотрудничество Турции и республик Центральной Азии. Одним из них является борьба с экстремизмом. Например, Узбекистан граничит с Афганистаном, одной из самых нестабильных стран мира. Таким образом, Турция является важным партнером в области безопасности не только на Ближнем Востоке, но и в Центральной Азии [Sengupta, 2014, 88]

Движение экстремистских группировок с Ближнего Востока в Центральную Азию диктует необходимость сотрудничества этих стран с Турцией. Поэтому в недавних соглашениях, подписанных между Турцией и Узбекистаном, оборона была важным вопросом. В этом контексте, визит турецкого министра национальной обороны Турции Canikli в Узбекистан в июле 2017 года был стратегическим компонентом сотрудничества.

Иран является еще одним важным фактором, влияющим на Центральную Азию и вопросы безопасности в регионе в течение двух десятилетий. Тесное сотрудничество Турции, России и республик Центральной Азии может помешать расширению иранского влияния в регионе.

Региональная интеграционная политика Турции в отношении Центральной Азии основана не только на борьбе с экстремизмом, но и на создании новых направлений экономического сотрудничества. Центральная Азия ищет пути снижения своей зависимости от России, в то время как Турция хочет направить свои инвестиции с западных рынков на центральноазиатские, в частности Узбекистан, который Анкара считает особенно полезным экономическим партнером из-за своих богатых природных ресурсов, большой текстильной промышленности и сильного рынка недвижимости [Üstün, 2016, 55].

Наконец, в культурном плане Центральная Азия, сыгравшая значительную роль во внешней политике Турции с момента создания Турецкой Республики, общепризнана как историческое Отечество тюркского народа. Поэтому для Анкары этот регион имеет особое значение.

Культура, политика, экономика и безопасность являются четырьмя основными столпами новой эпохи в отношениях между Турцией и Узбекистаном в частности и тюрко-центральноазиатскими отношениями в целом. Разумно ожидать, что следующее десятилетие может стать периодом стремительного улучшения отношений Турции с регионом.

Даже Таджикистан, который не говорит на Тюркском языке, за последний год видел более тесные связи с Турцией. Душанбе приказал закрыть семь школ движения Гюлена в стране после

того, как группа поссорилась с Анкарой, что Саманта Брлетич охарактеризовала как демонстрацию растущего напряжения между Турцией и Таджикистаном.

Казахстан будет играть роль посредника, как всегда. Проведение встречи в Туркпе – это способ сделать вид, что все в порядке, или, по крайней мере, что российско-турецкая напряженность не вызывает беспокойства. Россия в 2017 году приостановила сотрудничество с Международной организацией тюркской культуры (TURKSOY), которая находится под эгидой тюркского совета, как и TurkPA.

Кыргызстан, пожалуй, имеет наиболее сложную ситуацию. Реакция Бишкека на сбитый российский истребитель была “довольно мягкой.” Несколько небольших акций протеста были организованы пророссийскими группами перед посольством Турции в Бишкеке. Протестующие повторили постулат Кремля о том, что Турция находится в союзе с ИГИЛ.

Там, где интересы турецкого бизнеса наиболее заметны — в Туркменистане – влияние России менее интенсивно. Наряду с Россией, которая покупает большую часть туркменского газа, Турция имеет лучшие отношения с Ашхабадом. Нейтральный и изолированный, Туркменистан позволяет немногим иностранным компаниям работать внутри своих границ. Исключением является Турция. По данным Министерства иностранных дел Турции, в Туркменистане зарегистрировано более 600 турецких компаний. Турецкая строительная компания Polimeks заключила контракты по двум крупнейшим проектам Туркменистана: Новый Ашхабадский аэропорт стоимостью 2 миллиарда долларов и спортивный комплекс стоимостью 3,5 миллиарда долларов.

В свете ухудшения отношений между Россией и Турцией, решение президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана посетить Туркменистан в начале декабря 2017 года отличается от общепринятых. Вполне вероятно, что дискуссии построены вокруг постоянного стремления Туркменистана по диверсификации экспорта газа, с российско-турецкой напряженностью как мотивацией. Даже если Турция хочет принимать более активное участие в газовой промышленности Туркменистана, она должна пройти по постоянно застопорившемуся Транскаспийскому трубопроводу. Транскаспийский трубопровод – широко обсуждаемый проект как способ подключения Европы к туркменскому газу – находится в самом конце повестки окончательного соглашения о суверенитете и границах в Каспийском море. Россия, которая в последнее время все больше использует свой Каспийский флот для запуска крылатых ракет в Сирию, не проявляет особого интереса к урегулированию Каспийского спора таким образом, чтобы позволить центральноазиатскому газу обойти Россию.

Россия стремится использовать пост-путч климат в Турции, активизируя свои усилия, чтобы соблазнить Анкару отказаться от своих традиционных западных союзников и присоединиться к военному альянсу под руководством Москвы. Это по сути способствует тому, что в мае 2018 года все более количество контактов у Турции происходило с Москвой, так как санкции США ограничивали любые внешнеполитические контакты и снижали активность Турции во всех регионах.

Но внезапное сближение двух стран вызвало волну беспокойства в некоторых бывших советских республиках в Центральной Азии, которые опасаются, что их собственная независимость также может быть подорвана, если Турция будет выведена из НАТО и вступит в ободренную и экспансионистскую сферу влияния России [Pradhan, 2018, 10].

Однако в дальнейшем Турция оказывается в противоречии с традиционными региональными союзниками-Казахстаном и Кыргызстаном, которые отвергли призывы закрыть

частные школы, управляемые сетью Гюлена, которую президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган обвиняет в попытке свергнуть его 15 июля.

Анкара и Москва поддерживали противоположные стороны в Сирии с начала гражданской войны в стране в 2011 году и отношения резко ухудшились, когда Турция сбила российский истребитель возле сирийской границы в ноябре 2016 года.

Но Президент России Владимир Путин отложил в сторону свое недоверие к Эрдогану и поддержал его после переворота в рамках грандиозных планов побудить Анкару в конечном итоге присоединиться к военному пакту во главе с Москвой.

Всплеск антизападных настроений, особенно антиамериканских, после неудавшейся попытки переворота подтолкнул Путина действовать еще быстрее, чем планировалось, и максимально использовать существующий климат. Это помогает взглянуть на то, кто получает выгоду от этих растущих Антизападных чувств и пытается вовлечь Турцию в иные военные блоки. Слухи об участии Америки в попытке государственного переворота – тоже дело рук Москвы. Все это для того, чтобы заставить Турцию принять необдуманное решение.

Российская разведка, возможно, воздержалась от обмена информацией о попытке переворота, прежде чем в конечном итоге оповестить коллег в турецких спецслужбах просто для максимизации своих тактических выгод. Сообщения после попытки переворота утверждали, что Москва передала информацию после того, как российское подразделение военной разведки, базирующееся в Сирии, перехватило обмена турецкой армией и закодировало радиосообщения о заговоре.

В прошлом Эрдоган тоже всячески намекал на возможность вступления Турции в Шанхайский пакт. Но аналитики в то время во многом расценили эти комментарии как турецкие ультиматумы, направленные против ЕС, который начал занимать более жесткую позицию по поводу дрейфа Эрдогана в сторону авторитаризма. Нет никаких сомнений в том, что Россия хотела бы заманить Турцию в экономический и военный пакт под руководством Москвы. Москве бы это очень понравилось, но это не представляется возможным, учитывая хрупкость российско-турецких отношений исторически. Они снова и снова нуждаются в том, чтобы некоторые центральноазиатские государства вмешались и сгладили отношения между ними. Отношения между Турцией и США и ЕС могут быть очень напряженными в данный момент, но у них есть опыт совместной работы. Анкара и Москва не имеют такой истории. Даже когда Москва находилась в прямом противостоянии с Анкарой из-за сбитого российского самолета, Путин придерживался своего долгосрочного плана. Исходящие из Москвы сообщения об экспорте Анкарой нефти от имени группировки "исламское государство" (ИГ) призваны посеять недоверие между США и Турцией. Путин также будет стремиться соблазнить Эрдогана моделью, используемой большинством центральноазиатских государств, где на протяжении десятилетий правят авторитарные президенты [Рере, 2018, 249].

Посредническая роль, которую играют центральноазиатские государства, естественна, любые разговоры о попытках сдвига оси для Турции сильно преувеличены. Государства Центральной Азии, такие как Казахстан, который имеет почти 50/50 баланс между этническими русскими и тюркскими народами в своем населении, они также хорошо подготовлены для посредничества и разрешения споров между Анкарой и Москвой, которые также могут влиять на условия в своих странах. Рассматривать такие посреднические попытки и другие действия России как попытки заманить Турцию в сдвиг оси было бы равносильно недооценке стратегической разведки Москвы. Россия рассматривает свои отношения с Турцией в рамках более широких отношений с НАТО, а значит США. Москва не стремится к прямому противостоянию с США и поэтому не хотела бы, чтобы Анкара отказалась от НАТО. Турция,

коренящаяся в западном лагере, также подходит Москве в отношении Центральной Азии. Россия предпочла бы, чтобы любые отношения между Центральноазиатскими государствами и Западом осуществлялись через Турцию, а не через прямые отношения. Это делает легче вопрос для Москвы, чтобы предпринимать более активные решения в данном регионе.

Но ничто из этого не означает, что Москва не будет использовать все возможности, чтобы вбить клин между Турцией и ее западными союзниками и углубить существующий раскол между ними. Турция, уходящая корнями на Запад, имеет решающее значение для Центральноазиатских государств потому, что служит мостом в Европу и США, так и потому, что гарантирует независимость этих государств, выступая в качестве противовеса российской власти в регионе.

Так, Туркменистан проводит политику строгого нейтралитета, которая признается организацией объединенных наций. Казахстан и Кыргызстан осознают ценность западно-союзнической Турции, когда речь идет о каких-либо потенциальных угрозах продолжению их независимости. Для того, чтобы Турция имела какое-либо реальное влияние в Центральной Азии, она должна иметь согласованную политику для региона. У него никогда не было такого. Влияние Турции в Центральной Азии далеко от того, что она хотела бы или считает. Эти государства независимы уже более трех десятилетий. Они не поставят под угрозу эту независимость, полностью уступив какой-либо одной стороне [Özkırım, 2018, 60].

Также если в вопросах совместной деятельности зачастую говорят о возможностях сотрудничества или соперничества между Москвой и Анкарой, то по мере продвижения Китая вглубь Центральной Азии со своей инициативой «один пояс – один путь» Россия и Турция должны учитывать свою роль в регионе.

Традиционная динамика России и Турции была одной из неблагоприятных. Это была серия нескончаемых войн за освоение Понтийской степи, затем Черного моря, Балкан и проливов. Религиозные, культурные и территориально-пространственные отношения могут привести к конфликту между двумя региональными державами. Оба представляли для себя широкую Евразийскую задачу устройства, охватив Балканы, Ближний Восток и, не в последнюю очередь, Центральную Азию. Хотя Первая мировая война, возможно, и привела к краху их имперские структуры, она не уничтожила их геополитические наклонности или стратегические потребности. Это просто остановило их [Koldunova, 2016, 161].

Россия (когда Советская) и Турция (когда Кемалистская) постепенно вернули себе статус на мировой арене, позволив им тихо конкурировать за влияние в общем соседстве. При Тургуте Озале в конце 1980-х годов Турция продвигала более жесткую внешнюю политику, дополняемую собственным вариантом стратегической мягкой силы – пантюркизмом, который должен был апеллировать к Каспийскому и Центральноазиатскому сообществам на основе культурных и этнических связей. После распада Советского Союза и появления независимых тюркских республик Евразийская шахматная доска вновь созрела для большой игры.

Развивая торгово-инвестиционную карту Азербайджана, Казахстана, Узбекистана и Туркменистана, Анкаре удалось закрепиться в стратегически нестабильной российской глубинке. Без многих меркантильных инструментов, доступных в тот период, Кремль неохотно признал новый статус-кво, но внимательно следил за отношениями в области безопасности в регионе.

Как только Россия восстановила свой экономический статус при Президенте Владимире Путине, получив доступ к дополнительным средствам, которые будут использоваться в

Центральной Азии, Россия вернулась в игру. И он начал наступление кнута и пряника, после разочарования Турции в тураническом братстве и плохой (политической) отдаче от своих инвестиций. Менее чем через десять лет Москва вернулась на поул-позицию.

Перестройка силовых структур в регионе закончилась рыхлым застоём. Турция и Россия позволили друг другу сохранить влияние в их общей сфере интересов, одновременно укрепляя взаимные двусторонние связи. На самом деле это не было разделением Центральной Азии в Ялтинском стиле, но это, как правило, молчаливое и почтительное признание законного "присутствия" друг друга в этом районе [Druzhinin, Ibrahimov, Ba\cscan, 2014, 125].

Центральная Азия больше не была изолированной площадкой для постмодернистских реконструкций великих игр 19 века. Нынешняя эпоха больше не представляла собой простой бинарный выбор. Другие факторы были вовлечены. Они были богаче и эффективнее в экономическом управлении государством. Экономическая мощь Европейского Союза, (ограниченные) прогнозы жесткой силы Соединенных Штатов, наступление Китая достигли Центральной Азии и трансформировали не только его внутреннюю динамику, но и то, как он интегрируется в более широкую глобальную сеть. С появлением таких актеров турецко-российский кондоминиум выдавал желаемое за действительное [Godehardt, 2014, 101].

Подъем Китая был более чем проблематичным для обоих. Вскоре он получил экономическое превосходство во всем регионе. Газовые и нефтяные потоки были свернуты в восточном направлении. И государства Центральной Азии больше не зависели от российской инфраструктуры распределения. Появились прямые трубопроводы в Казахстан и Туркменистан и были построены (или находятся в процессе ввода в эксплуатацию) нефтеперерабатывающие заводы в Таджикистане и Кыргызстане. Китайские товары народного потребления также завоевали центральноазиатские рынки, постепенно вытесняя Турцию из игры, как это ранее произошло с присутствием Анкары в строительном секторе.

Все более сложным в долгосрочной перспективе для этих двух актеров пояс и путь из Пекина. По-видимому, проект только для бизнеса, BRI неизбежно изменит всю динамику Центральной Азии и Ближнего Востока, преобразуя политику на основании включения стран в новые торговые инвестиционные проекты и предлагая им новые торговые возможности. Перед лицом такого грандиозного видения с таким большим капиталом за ним Турция и Россия опасаются остаться в стороне или стать неактуальными в геоэкономических расчетах местных акторов. Они могут ограничиваться рамками безопасности или культурных отношений, но в противном случае утрачивают свое традиционное влияние в регионе.

Как всегда, власть обходится дорого, и только у Китая есть средства для ее масштабного проецирования в Центральной Азии. Конечно, он также сталкивается с постоянными угрозами в области безопасности и политического типа, но его устойчивые потоки денежных средств могут смягчить трудности на этом пути. Более того, его беспринципная позиция не воспринимается как вызов местными силачами, стремящимися сохранить власть. В этом смысле, как недавно было показано в ходе напряженности между Афганистаном и Пакистаном, Китай может выдвинуть собственное региональное руководство и успешно убедить квазивоюющие стороны отступить от риторики конфликта. [Rakhimov, 2018, 120]

Вне всякого сомнения, концепция «пояса и пути» должна привести к окончательному смещению гегемонов в этом районе. В ходе его осуществления все государственные (и негосударственные) субъекты на маршруте должны скорректировать свою лояльность. Не только Турции и России будет трудно сохранить свое влияние невредимыми, но и другим державам, таким как Иран или Европейский Союз, в то время как Соединенные Штаты будут

практически полностью ограничены в доступе в Центральную Азию, за исключением своего скромного плацдарма в Афганистане.

Однако инициатива «один пояс – один путь» (BRI) также открывает перед Россией и Турцией новые возможности. В отличие от Европейского Союза, чьи компании действуют в соответствии с гораздо более жесткими правилами, которые не позволяют странам базирования оказывать им полную поддержку, Анкара и Москва могут активно участвовать через государственные или партийные компании в крупных проектах развития, дополняя недостаточный вклад Китая. Другими словами, есть возможность увеличить влияние в регионе за счет китайских средств [Sengupta, 2014, 21].

И именно по этой причине ни Россия, ни Турция не могут позволить себе стоять за пределами BRI или противостоять ему. Подрыв такого проекта политически мало что сделает, чтобы остановить меркантильный марш Пекина на Запад. Это приведет лишь к антагонизму второй мировой экономики и отправке центральноазиатским государствам неверного послания.

Заключение

Поэтому лучшее место для России и Турции находится в пределах BRI. У них есть шанс стать партнером Китая внутри свободных границ этого проекта, при этом пользуясь всеми его финансовыми возможностями. Так же, как это произошло в случае Шанхайской организации сотрудничества, где Россия чувствовала себя уверенно в стороне от импульса Пекина, правильным путем вперед могло бы стать привлечение других региональных держав в рамках BRI и совместная работа с ними в ее рамках.

По этой причине Россия, возможно, пожелает, чтобы Турция была очень активным игроком в Центральной Азии, открыв для нее некоторые закрытые двери. В таком начинании они могли бы также кооптировать Иран, который имеет устойчивые отношения с Россией и достойные отношения с Турцией, в их "дружественном" балансировании. Цель иметь больше региональных держав в качестве активных игроков (а не просто пассивных получателей китайского капитала) в BRI, заключается не в том, чтобы препятствовать проекту, а в том, чтобы получить некоторый (коллективный) рычаг и переговорную силу, когда дело доходит до распределения ресурсов. Не быть полностью оставленным по прихоти щедрости Пекина.

В конце концов, и Россия, и Турция должны приспособиться к непримиримому подъему Китая в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Они не могут по-настоящему противостоять ей или блокировать его. Однако они могут обеспечить, чтобы такое наращивание не привело к исключительной гегемонии, а привело к такой гегемонии, которая позволила бы распределить власть в регионе. И для этой цели подходит открытый характер инициативы «один пояс – один путь».

С инициативой пояса и дороги Китай больше не лежит низко, как однажды рекомендовал Дэн Сяопин. Он видит свое появление как доброжелательную силу в беспроигрышных условиях, уверен, что он получает верх. Тем не менее, первый шаг на этом новом шелковом пути проходит через Центральную Азию, и она нуждается во всей помощи, которую она может получить в обеспечении безопасности области. И Россия, Турция (возможно, даже Иран) единственные партнеры под рукой. Другого маршрута в Европу нет.

Данная позиция по тиссу формализует возможность стратификации соперничества или сотрудничества в контексте отношений России и Турции в Средней Азии. Возможностью их развития остается взвешенная политика по отношению к введенным санкциями США и потенциальной кооперацией между экономиками.

Библиография

1. Druzhinin A.G., Ibrahimov A., Bacskan A. Interaction of Russia and Turkey in the post-Soviet period: Factors, trends, problems, prospects // *Regional Research of Russia*. 2014. 4(2). P. 121-126. <https://doi.org/10.1134/S2079970514020051>
2. Ekinci D. Russia-Turkey Relations (1991--2016): Diverging Interests and Compelling Realities // *Turkish Foreign Policy: International Relations, Legality and Global Reach*. Cham: Springer International Publishing, 2017. https://doi.org/10.1007/978-3-319-50451-3_8
3. Godehardt N. China and Central Asia: Twenty Years of a Demanding Relationship // *The Chinese Constitution of Central Asia: Regions and Intertwined Actors in International Relations*. London: Palgrave Macmillan UK, 2014. P. 98-127. https://doi.org/10.1057/9781137359742_5
4. Jian J. China in Central Asia and the Balkans: Challenges from a Geopolitical Perspective // *The Belt & Road Initiative in the Global Arena: Chinese and European Perspectives*. Singapore: Springer Singapore, 2017. P. 241-261. https://doi.org/10.1007/978-981-10-5921-6_14
5. Koldunova E. The Impact of the Arab Spring on Central Asia: Regional and Macro-regional Implications // *Security in Shared Neighbourhoods: Foreign Policy of Russia, Turkey and the EU*. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. P. 145-169. https://doi.org/10.1057/9781137499103_8
6. Konopelko A. The European Union Policy Towards the Post-Soviet Countries of Central Asia // *Business Challenges in the Changing Economic Landscape*. 2016. Vol. 1. P. 423-435.
7. Özkirim A. Beekeeping in Turkey: Bridging Asia and Europe // *Asian Beekeeping in the 21st Century*. Singapore: Springer Singapore, 2018. P. 41-69. https://doi.org/10.1007/978-981-10-8222-1_2
8. Pehlivan Türk B. East Asia in Turkish Foreign Policy: Turkey as a 'Global Power'? // *Turkish Foreign Policy: International Relations, Legality and Global Reach*. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 259-278. https://doi.org/10.1007/978-3-319-50451-3_13
9. Pepe J.M. Eurasian Transport Integration Beyond Energy: Geoeconomic Transformation and Geostrategic Response // *Beyond Energy: Trade and Transport in a Reconnecting Eurasia*. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2018. P. 247-430. https://doi.org/10.1007/978-3-658-20192-0_5
10. Piet R.B. Balance of Power Shifts and Energy Interests in Central Asia? // *Russia, Eurasia and the New Geopolitics of Energy: Confrontation and Consolidation*. London: Palgrave Macmillan UK, 2015. P. 189-207. https://doi.org/10.1007/978-1-137-52373-0_9
11. Pradhan R. The Rise of China in Central Asia: The New Silk Road Diplomacy // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2018. 11(1). P. 9-29. <https://doi.org/10.1007/s40647-017-0210-y>
12. Rakhimov M. Contemporary Central Asia: Balancing Between Chinese and Trans-Asian 'Silk Road' Diplomacy // *China's Global Rebalancing and the New Silk Road*. Singapore: Springer Singapore, 2018. P. 119-128. https://doi.org/10.1007/978-981-10-5972-8_10
13. Sengupta A. Eurasianism or Neo-Ottomanism: The Neighborhood in Turkish Foreign Policy // *Myth and Rhetoric of the Turkish Model: Exploring Developmental Alternatives*. New Delhi: Springer India, 2014. P. 75-100. https://doi.org/10.1007/978-81-322-1765-7_4
14. Sengupta A. Political Dynamics in Eurasia: Background and Context of the Turkish Model // *Myth and Rhetoric of the Turkish Model: Exploring Developmental Alternatives*. New Delhi: Springer India, 2014. P. 1-24. https://doi.org/10.1007/978-81-322-1765-7_1
15. Üstün Ç. Turkey's Policies in Its Overlapping Neighbourhood with Russia and the European Union // *Security in Shared Neighbourhoods: Foreign Policy of Russia, Turkey and the EU*. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. P. 53-74. https://doi.org/10.1057/9781137499103_4

Cooperation between Russia and Turkey in Central Asia

Iqbal I. Rustamov

Own correspondent,
News Agency "SalamNews",
AZ1009, 2/29, Akhmedbekova Ziverbeka st., Baku, Republic of Azerbaijan;
e-mail: rustamov_i@mail.ru

Iqbal I. Rustamov

Abstract

The author shows that the application of measures that determine the development of the region of Central Asia is significantly influenced by third-party states. In particular, the traditional rivals in this territory are the Russian Federation and Turkey. The article shows the basis of the policy of both countries in the regions of Central Asia as the basis of their traditional rivalry for influence in the Asian region, as well as the reasons for such influence, based on socio-economic and political factors. The paper identifies these factors, analyzes the method and forms of their implementation and traditional protection from cross-promotion, and proposes ways to optimize the situation. It is determined that the implementation of these relations is formed on the basis that not only Turkey and Russia can have an impact on the countries of Central Asia. It is revealed that Iran is also an indicator of the success of the policy of cooperation and rivalry in the regions of Central Asia. The paper does not consider the participation of other Asian countries due to a different approach to the factors of ensuring activities in the countries of Central Asia. After the collapse of the Soviet Union, the emergence of resources increased the importance of Central Asia. This resulted in an increase in the number of external stakeholders in the region. In this regard, Turkey has more opportunities to strengthen its policy in Central Asia, but it may face competitors with its growing political and economic presence in the region.

For citation

Rustamov I.I. (2018) Vzaimodeistvie Rossii i Turtsii v regione Srednei Azii [Cooperation between Russia and Turkey in Central Asia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (4A), pp. 106-116.

Keywords

Turkey, Russia, political dialogue, Central Asia, cooperation.

References

1. Druzhinin A.G., Ibrahimov A., Bacskan A. (2014) Interaction of Russia and Turkey in the post-Soviet period: Factors, trends, problems, prospects. *Regional Research of Russia*, 4(2), pp. 121-126. <https://doi.org/10.1134/S2079970514020051>
2. Ekinçi D. (2017) Russia-Turkey Relations (1991--2016): Diverging Interests and Compelling Realities. In: *Turkish Foreign Policy: International Relations, Legality and Global Reach*. Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-50451-3_8
3. Godehardt N. (2014) China and Central Asia: Twenty Years of a Demanding Relationship. In: *The Chinese Constitution of Central Asia: Regions and Intertwined Actors in International Relations*. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9781137359742_5
4. Jian J. (2017) China in Central Asia and the Balkans: Challenges from a Geopolitical Perspective. In: *The Belt & Road Initiative in the Global Arena: Chinese and European Perspectives*. Singapore: Springer Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-5921-6_14
5. Koldunova E. (2016) The Impact of the Arab Spring on Central Asia: Regional and Macro-regional Implications. In: *Security in Shared Neighbourhoods: Foreign Policy of Russia, Turkey and the EU*. London: Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/9781137499103_8
6. Konopelko A. (2016) The European Union Policy Towards the Post-Soviet Countries of Central Asia. *Business Challenges in the Changing Economic Landscape*, 1, pp. 423-435.
7. Özkirim A. (2018) Beekeeping in Turkey: Bridging Asia and Europe. In: *Asian Beekeeping in the 21st Century*. Singapore: Springer Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-8222-1_2
8. Pehlivan Türk B. (2017) East Asia in Turkish Foreign Policy: Turkey as a 'Global Power'? In: *Turkish Foreign Policy: International Relations, Legality and Global Reach*. Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-50451-3_13

9. Pepe J.M. (2018) Eurasian Transport Integration Beyond Energy: Geoeconomic Transformation and Geostrategic Response. In: *Beyond Energy: Trade and Transport in a Reconnecting Eurasia*. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-20192-0_5
10. Piet R.B. (2015) Balance of Power Shifts and Energy Interests in Central Asia? In: *Russia, Eurasia and the New Geopolitics of Energy: Confrontation and Consolidation*. London: Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1007/978-1-137-52373-0_9
11. Pradhan R. (2018) The Rise of China in Central Asia: The New Silk Road Diplomacy. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 11(1), pp. 9-29. <https://doi.org/10.1007/s40647-017-0210-y>
12. Rakhimov M. (2018) Contemporary Central Asia: Balancing Between Chinese and Trans-Asian 'Silk Road' Diplomacy. In: *China's Global Rebalancing and the New Silk Road*. Singapore: Springer Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-5972-8_10
13. Sengupta A. (2014) Eurasianism or Neo-Ottomanism: The Neighborhood in Turkish Foreign Policy. In: *Myth and Rhetoric of the Turkish Model: Exploring Developmental Alternatives*. New Delhi: Springer India. https://doi.org/10.1007/978-81-322-1765-7_4
14. Sengupta A. (2014) Political Dynamics in Eurasia: Background and Context of the Turkish Model. In: *Myth and Rhetoric of the Turkish Model: Exploring Developmental Alternatives*. New Delhi: Springer India, 2014. P. 1-24. https://doi.org/10.1007/978-81-322-1765-7_1
15. Üstün Ç. (2016) Turkey's Policies in Its Overlapping Neighbourhood with Russia and the European Union. In: *Security in Shared Neighbourhoods: Foreign Policy of Russia, Turkey and the EU*. London: Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/9781137499103_4